

ТЕМА «Город и деревня многоукладного государства» чрезвычайно объемна и многопланова. В данной статье хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты этой темы с точки зрения общей теории многоукладности и для уяснения последней.

Социальные контрасты между городом и деревней в третьем мире в конечном счете обуславливаются различием укладов (точнее, их соотношением). Конечно, было бы серьезной ошибкой полагать, что имеются какие-то качественно отличающиеся друг от друга уклады, разделенные по принципу местонахождения — городские они или сельские. Различия определяются существенной спецификой и неравномерностью развития отдельных укладов в разных условиях. По этой причине даже «городская» или «деревенская» части одного и того же уклада обладают, как правило, заметными особенностями, которые нуждаются в особом разборе. Поэтому, хоть и условно, иногда целесообразно говорить о «городских» или «деревенских» укладах, подразумевая под этим или уклады, наличествующие только в той или иной местности, или их особую специфику (проявления), или особое сочетание и взаимоотношение укладов.

Следовательно, применение теории многоукладности позволяет углубить разработку проблемы города и деревни в третьем мире, увидеть ее производственную основу в разном взаимодействии разных укладов. Самой теории многоукладности даже простое соприкосновение с указанной проблемой также приносит несомненную пользу, ибо демонстрирует необходимость в специальном изучении отдельных частей **одного и того же** уклада, функционирующего в разных социальных условиях. Это помогает лучше осознать общность задач всех исследователей общественного развития третьего мира и относительную специфику «работы» такого, например, их отряда, как аграрники, предмет анализа которых не есть что-то абсолютно особое, а лишь относительно специфическое: особенности укладов, существующих в деревне. Некоторые из последних отсутствуют в городе, некоторые являются разновидностью городских (или наоборот) и поэтому в том и другом случае нуждаются в научном раскрытии. Аналогичное следует сказать и об особенностях эволюции укладов и их взаимодействии в сельской местности. Таким образом, перед нами еще один аспект (предмет) изучения многоукладности.

Памятуя о неразрывной связи уклада и класса, можно отметить и три аспекта социально-классового взаимодействия города и деревни, как-то: а) столкновение **разных** классовых сил, б) взаимодействие различных частей (слоев) **одного и того же** класса, в) взаимодействие **особого сочетания** деревенских классов с иным сочетанием городских классовых сил. Следовательно, отношения города и деревни многоукладных стран указывают на некоторые новые моменты специфики классовой борьбы в государствах третьего мира. В частности, появляется необходимость увидеть в сталкивающихся между собой основных классовых коалициях — их подгруппы, специфику входящих в них подкоалиций

МНОГОУКЛАДНЫЕ

городских и деревенских классовых сил, которые полностью не тождественны друг другу.

В третьем мире город, как правило, был тем местом, где первоначально вызревали новые производственные отношения. Нередко он сам являлся следствием их развития. Последнее типично для подавляющего большинства городов современных многоукладных стран (здесь мы не ставим задачу проследить специфику и эволюцию феодального и колониального города и стадии его перерастания в современный город многоукладного государства). Именно в городах и начиналось становление всех капиталистических и в значительной степени — мелкоотоварного уклада. Необходимость и правильность выделения нескольких капиталистических укладов наглядно видны и в этом случае, так как на различных этапах развития городов их социальное лицо определяли разные капиталистические уклады. Нынешний же лик городов в целом определяется характером смеси различных капиталистических укладов и удельным весом в ней уклада мелкоотоварного. Поэтому город социально неодинаков даже в пределах одной страны, как и в третьем мире в целом.

Сосредоточение наиболее развитых укладов или их частей в городах обуславливает и соответствующую классовую структуру городского населения. В нем достаточно легко просматриваются три крупных класса: буржуазия, пролетариат и мелкая буржуазия. Но заметить только это — значит, не увидеть важнейшие отличия города капиталистической страны от города страны многоукладной. Для последнего типична великая дробность каждого из первых двух классов (ибо их крупные прослойки связаны с различными укладами), существование переходных к основным классам (или от них) массовидных социальных прослоек (проблема люмпенства) и очень большой удельный вес мелкобуржуазной части горожан (не говоря уже о специфической структуре ее). Таким образом, город многоукладной страны — социально особый тип города, ибо отмечен наличием многих укладов и многоклассовой структурой населения.

В подавляющем большинстве стран третьего мира в сельском хозяйстве также насчитывается **несколько** крупных укладов: натурально-патриархальный, мелкоотоварный, мелкий частнокапиталистический. Все заметнее тенденции к становлению кооперативного уклада. Конечно, на сельское хозяйство оказывают колоссальное влияние и все уклады, имеющиеся в данной многоукладной стране (например, госкапиталистический, развитый местный частнокапиталистический, иностранный монополистический). Их влияние проходит и через экономическую политику, в частности политику империалистических госу-

СТРАНЫ: ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

А. ЛЕВКОВСКИЙ

Доктор экономических наук

дарств, и тогда это составная часть неокOLONиализма. Следовательно, как мы уже писали во втором номере журнала за 1970 год, крестьянство — оболочка, скрывающая с неодинаковой эффективностью существование в деревне многоукладного общества нескольких классов (патриархальные крестьянство, мелкая буржуазия, сельскохозяйственные рабочие, буржуазия и т. д.). Но существование этой оболочки отражает наличие у деревенских «крестьянских» классов ряда общих интересов. Эта общность базируется главным образом на наличии негативных моментов, общих противников (феодализм, иностранный монополистический капитализм, местная крупная буржуазия и т. д.).

После того как в самых общих чертах охарактеризованы «городские» и «деревенские» уклады и бегло отмечена специфика классов, базирующихся на них, нельзя не коснуться важного вопроса, также связанного с затронутым комплексом проблем. Речь идет о часто дебатированном в третьем мире вопросе: кто кого ведет за собой в многоукладных странах — город деревню или деревня город. Как известно, для капиталистической державы эта дилемма конкретизировалась и решалась В. И. Лениным так: «Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это руководство города примет»¹. Новая и новейшая история Западной и России показала и показывает правоту ленинского положения применительно к капиталистическим государствам.

Однако применимо ли это положение к иной обстановке многоукладных стран? На наш взгляд, применимо, но не механически, и вот почему. Если говорить о классах, базирующихся на капиталистических укладах, — о буржуазии и пролетариате, то, действительно, в большинстве государств третьего мира (по численности населения особенно) наиболее активные и, так сказать, социально-экономически и политически развитые классовые слои концентрируются в городах. Естественно, что руководящие «ядра» различных организаций (в том числе и партии) этих классов также сосредоточиваются в городских центрах. Поэтому лидирование этих классов (или их основных прослоек) в определенной классовой коалиции почти всегда, как правило, означает, что город ведет за собой деревню, что горожане стоят во главе крестьянства.

Важнейшие отличия в отношениях города и деревни в большинстве многоукладных государств третьего мира по сравнению с государствами капиталистическими преимущественно обусловлены необыч-

ным положением наиболее многочисленного и крайне разношерстного класса мелкой буржуазии и полупролетарских масс трудящегося населения. В многоукладном обществе этот класс, точнее — его представители особенно рьяно стремятся повести за собой «весь народ», а не просто идти за буржуазией или пролетариатом. Конечно, традиционные (знакомые нам) пути политического следования мелкой буржуазии или за буржуазией, или за пролетариатом наличествуют и здесь и представлены соответствующими движениями (и массовыми организациями), включающими определенные части мелкобуржуазного класса. Все это так, но есть и третья тенденция (в разных странах и периодах олицетворяемая разными частями этого класса) к лидированию. Новейшая история все последние годы показывает, что подобная тенденция все чаще пробивает себе дорогу. Одновременно обнаруживается сильная неоднородность ее конкретных путей и форм реализации в той или иной стране или в тот или иной период.

Именно эта тенденция, четко проступившая во многих многоукладных странах и потому в целом уже не отвергаемая, а признаваемая большинством исследователей, придает наибольшую необычность (по западным стандартам) проблеме взаимодействия города и деревни и одновременно в значительной мере затемняется ею. Остановимся на последнем несколько подробнее. Действительно, когда город в капиталистическом обществе ведет за собой деревню, это означает, что или буржуазия, или пролетариат концентрирует вокруг себя основные массы крестьянства (преимущественно мелкой буржуазии) — иначе говоря, последнее выступает союзником одного из главнейших городских классов.

Что означает лидирование мелкой буржуазии для анализа интересующей нас проблемы? Вероятно, сразу же следует оговорить, что подобный период, связанный с гегемонией мелкой буржуазии, является не чем-то случайным, а закономерным (и даже неизбежным) этапом в развитии многоукладного общества. Отражение и трактовка его могут быть, естественно, неодинаковыми и нести различную социально-классовую нагрузку.

Известный идеолог и участник африканского национально-освободительного движения Ф. Фанон, например, резко противопоставлял затронутый, по его словам, тлетворным влиянием Запада город деревне, сохранившей национальное самосознание и являющейся, как он полагает, исходной базой освобождения и возрождения поработанного общества. Ф. Фанон дает этому следующее объяснение: горожане (приказчики, промышленные рабочие, интеллигенция, лавочники и т. д., не говоря уж о со-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 5.

стоятельных слоях) уже охвачены влиянием технического прогресса, мировоззрения зажиточного класса, здесь царят «современные идеи», и в целом эти слои занимают «привилегированное положение... в колониальной системе и составляют также «буржуазную» часть колонизированного народа». Отсюда следует и его известный вывод о позиции пролетариата. «В капиталистических странах, — пишет Ф. Фанон, — рабочему классу нечего терять, и именно он в конечном счете приобретает все. В колониальных странах ему есть что терять; фактически он представляет ту часть колонизированного народа, которая необходима и незаменима для того, чтобы колониальный механизм работал без осечки» (в пролетариат он включает «кондукторов трамваев, таксистов, шахтеров, докеров, переводчиков, медицинских сестер и т. д.»).

Конечно, положение пролетариата в многоукладной стране, да еще находившейся под колониальным игом, существенно отличается от положения (и состояния) рабочего класса в капиталистической стране. Правда и то, что отдельные городские отряды его, как правило немногочисленные, иногда находятся в относительно лучшем (материально) положении, чем основные трудящиеся массы. Однако численно доминирующие отряды наемной рабочей силы (структура ее здесь очень сложна) не только подвергаются жесточайшей эксплуатации, но и жизненный уровень их, как правило, не выше, а ниже «средненационального». Все же главное, с чем нельзя согласиться в вышеприведенном высказывании Ф. Фанона, это то, что рабочий класс интегрирован в колониальную систему. Из специфического положения некоторых отрядов рабочего класса на разных этапах национально-освободительного движения крайне ошибочно делать подобный вывод, ибо он приводит к серьезным политическим искажениям. Связанный с разными капиталистическими укладами, заинтересованный в уничтожении всякой эксплуатации, пролетариат составляет неотъемлемую и в конечном счете наиболее прогрессивную, динамичную и перспективную силу в национально-освободительном движении.

Вернемся, однако, к нашей теме «Город и деревня». Ф. Фанон указывал, что горожане, подвергшиеся западному влиянию, «испытывают к большинству крестьянства чувства, напоминающие те, которые бытовали в среде городских рабочих промышленных государств. История буржуазных и рабочих революций показала, что основная часть крестьянства часто являлась тормозом революции. Обычно в индустриальных странах крестьянство в целом — наименее сознательный, хуже всего организованный и в то же время наиболее анархический элемент. Оно демонстрирует такой набор качеств — индивидуализм, отсутствие дисциплины, жажда денег, склонность к вспышкам неконтролируемой ярости и глубокой апатии, — который определял линию поведения, объективно являющуюся реакционной».

Подвергая справедливой критике мелкобуржуазные качества крестьянства западных стран, Ф. Фанон придал им абсолютное звучание, ибо не отметил трудового, «пролетарского» начала в нем. По его мнению, крестьянство колониальной страны характеризуется совершенно иными качествами. «Подавляющая часть сельского населения... продолжает жить в рамках жесткой структуры, и лишние рты, чтобы существовать, не имеют иной альтернативы, кроме ухода в города. Остающийся в деревне крестьянин упорно защищает свои традиции и в колонизированном обществе стоит за дисциплинирующее начало, ибо заинтересован в поддержании данной социальной структуры. Справедливо, что этот

неизменный образ жизни, нависший над жесткими социальными структурами, как призрак неумолимой смерти, может в определенных случаях породить движения, базирующиеся на религиозном фанатизме или племенных войнах. Но в спонтанных движениях сельский люд как целое остается дисциплинированным и альтруистическим. Отдельная личность перед коллективом отходит на второй план».

Подметив отдельные негативные черты определенных городских слоев колониального города, Ф. Фанон абсолютизировал их пространственно (то есть распространил на весь третий мир) и хронологически (то есть — на разные этапы развития). Хорошо почувствовав и пережив специфику деревни, он во многом по-народнически (по-ткачевски) абсолютизировал также и сельского жителя, хотя и немало писал о его недостатках, но не рассматривал неоднородность и особо — внутреннюю противоречивость крестьянства. Бесспорно, патриархальность деревни в третьем мире неизмеримо больше, чем в стране капиталистической, но и здесь мелкотоварный уклад давно пробивает себе дорогу и соответственно преобразует соответствующие части крестьянства. Поэтому крестьянские движения давно уже определяла не только привязанность к старине (интересы натурально-патриархального уклада), но и материальные интересы (и их ущемление), обусловленные развитием мелкотоварного и в какой-то мере мелкокапиталистического уклада. Таким образом, появление в крестьянской оболочке сельской мелкой буржуазии со всей ее неизбежной двойственностью крайне важно для хода социально-экономического и политического развития многоукладной страны не только на стадии борьбы за государственную независимость, но и на последующих этапах эволюции многоукладности.

Абсолютизирование революционных, антиколониальных потенций деревенского населения и принижение (и даже отрицание) их у городских трудящихся классов критиковать достаточно просто, так как в нашей литературе этому посвящено достаточно количество публикаций. Но в этой критике было бы большим упущением не заметить отражения, пускай искаженного, реальной противоречивости определенного этапа национально-освободительной борьбы, связанного с лидированием мелкобуржуазных трудящихся масс. Количественно подавляющая часть населения многоукладных стран обитает в деревнях. Истина общеизвестная, и все же, даже при ведущей роли мелкобуржуазных масс и их организаций, нельзя утверждать, а тем более категорически, будто внешне подобная ситуация выражается в том, что деревня ведет за собою город. В данном случае возникает потребность в анализе конкретной ситуации конкретной страны и времени, ибо это уже, помимо всего прочего, проблема взаимодействия различных частей одного и того же класса, проблема взаимодействия городской и сельской мелкой буржуазии. Ф. Фанон рисовал общую стратегию антиколониального подъема, основываясь в значительной мере на алжирской практике. И он достаточно отчетливо показывал, как горожане — националисты-патриоты, недовольные положением в городах, бежали в сельские районы и вливались в крестьянскую борьбу, соединялись с ней.

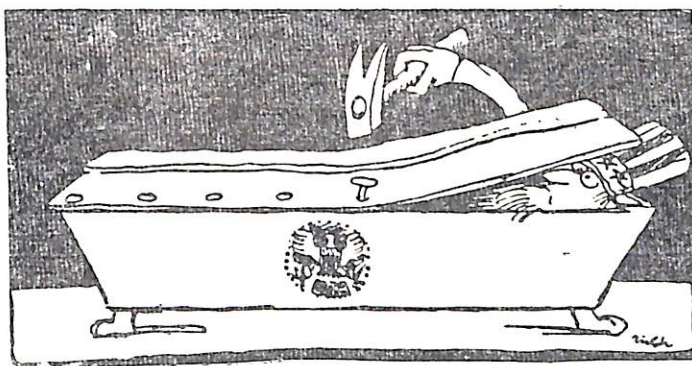
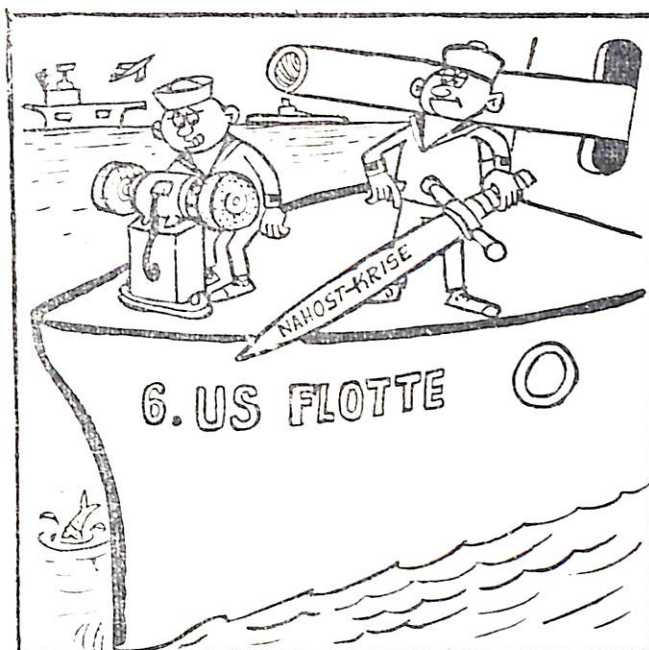
На наш взгляд, гегемония мелкой буржуазии в общественном развитии многоукладной страны может быть связана с преобладанием как городской, так и деревенской ее части. Чаще руководящие, ключевые узлы освободительного движения в этом случае находятся в руках представителей городской мелкой буржуазии. При преобладании сельской ее «компонентов» городская мелкая буржуа-

ЗАРУБЕЖНЫЕ КАРИКАТУРЫ

К визиту Никсона
на корабле
6-го американского флота
в Средиземном море

— Теперь все о'кей. К приезду
Никсона готовы. (На мече над-
пись: «Ближневосточный кри-
зис».)

Карикатура из газеты
«Берлинер цайтунг» (ГДР)

Никто меня — я сам себя!

Карикатура из газеты
«Фольксштимме» (Австрия)

зия нередко через какое-то время (или на следу-
ющем этапе социальной эволюции многоукладного
общества) перехватывает инициативу и выходит на
первый план (в частности, через абсорбцию, пере-
тягивание в город ведущих «представителей дерев-
ни»). Однако возможны и иные ситуации, например
когда при затяжной вооруженной борьбе ушедшие
в сельские районы горожане подпадают под все
большее влияние «деревни», «окрестьяниваются».

Проблема взаимоотношений города и деревни
многоукладной страны в классовом смысле имеет
еще один важный аспект. Основные классовые коа-

лиции, сталкивающиеся между собой, обычно со-
стоят из двух подкоалиций, включающих группиро-
вки определенных городских и определенных сель-
ских классовых сил. Эти подкоалиции не являются
копией, а тем более полной, друг друга. Классовый
состав каждой может быть или шире, или уже, и
они обладают различной долей относительной само-
стоятельности; бывает часто, что и возглавляются
они не совсем одинаковыми классовыми слоями или
организациями. Естественно, что и степень «смыч-
ки» между ними определяется многими причинами
и требует проведения соответствующей политики.